

Научная статья

УДК 160.1

doi: 10.17223/1998863X/66/7

О СООТНОШЕНИИ ЛОГИКИ И ОНТОЛОГИИ В «ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОМ ТРАКТАТЕ» Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

Анна Сергеевна Хромченко

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
annhs971017@gmail.com*

Аннотация. Критикуется тезис о том, что формальная логика не имеет онтологической значимости в рамках концепции, представленной в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна. Обосновывается вывод, что формальная логика, согласно концепции Витгенштейна, определяет структурные возможности высказывания о мире и потому играет ключевую роль в представлении структуры реальности.

Ключевые слова: формальная логика, логика мира, «Логико-философский трактат», онтология

Для цитирования: Хромченко А.С. О соотношении логики и онтологии в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 67–76. doi: 10.17223/1998863X/66/7

Original article

ON THE CORRELATION OF LOGIC AND ONTOLOGY IN THE *TRACTATUS LOGICO-PHILOSOPHICUS*

Anna S. Khromchenko

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
annhs971017@gmail.com*

Abstract. The article criticizes the thesis that formal logic has no ontological value and does not play a prominent role in Wittgenstein's *Tractatus Logico-Philosophicus*. The author of the article reconstructs the ontology of the *Tractatus* in order to show that formal logic is the representation of the structure of the world. The main attention is paid to the concept of sense and the distinction between two types of nonsense – *sinnlos* and *unsinnig* propositions. The author proves that the senselessness of propositions of logic, tautologies and contradictions, does not lead to the idea that formal logic does not have ontological value at all. Indeed, according to Wittgenstein, formal logic does not represent *any* reality (neither physical reality nor the reality of logical objects), but it plays a fundamentally important role in explicating the structural properties of language and in *showing* the internal relation between language and the world. Logical symbolism makes it possible to clarify and emphasize the relations between the objects within the sentence and the relations between the sentences themselves, which determines how the world can be given to us and what kind of image of the world we are able to form. This clarification does not characterize and does not affect the sense of sentences, but allows us to make it obvious in each specific case, since the structural properties of the language are revealed in formal logic in an explicit form. In tautologies and contradictions, the conditions for the correspondence of the picture that are provided by a proposition and the reality are annulled, but their connection with the representative function of language is still clearly traced, unlike those sentences of language for which the truth-finding procedure is generally impossible, namely for *unsinnig* propositions. Formal logic

does not provide any particular picture of the world, but it marks the *limits* of description, defining the structural possibilities of proposition in general, and hence knowledge in general. Having no ontological content of its own, formal logic, from Wittgenstein's point of view, determines the formal possibilities of constructing any specific ontology, and in this sense it has meta-ontological value.

Keywords: logic of world; formal logic; *Tractatus Logico-Philosophicus*; ontology

For citation: Khromchenko, A.S. (2022) On the correlation of logic and ontology in the *Tractatus logico-philosophicus*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 67–76. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/7

Один из разделов статьи З.А. Сокулер «Мал золотник, да дорог (особенности онтологии, теории познания и философии науки в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна)» представляет собой размышление над вопросом, какая именно логика является предметом исследования в «Логико-философском трактате». Согласно интерпретации З.А. Сокулер, в трактате речь не идет о формальной (пропозициональной, первопорядковой) логике и никакой выделенной роли последняя в рамках учения Витгенштейна не имеет. В соответствии с этим автор статьи разводит понятия привычной нам пропозициональной логики и «логики мира» как имеющие совершенно различную и несоизмеримую природу. Если первая вовсе не имеет никакого онтологического значения, то логика, понятая во втором смысле, образует границу мира, а значит, является базовым онтологическим концептом [1. С. 177–179]. В данной статье предлагается реконструировать онтологию «Логико-философского трактата» с целью показать, что столь строгое различение и разграничение формальной логики и логики мира нерелевантно трактату Витгенштейна.

1.

Одна из центральных идей «Логико-философского трактата» заключается в словах его автора о том, что мы не можем мыслить ничего нелогического, а значит, не можем делать высказывания о некотором нелогическом мире (3.03, 3.031)¹, поскольку границы языка представляют собой границы мира, и границы мира есть границы логики (5.6, 5.61). Согласно этому наше знание о мире ограничено тем, что мы можем о нем сказать, а то, каким образом устроен мир сам по себе, является независимым от нашего описания и в силу этого недоступным познанию фактом. Тем не менее, как указывает Витгенштейн, о мире самом по себе говорит то обстоятельство, что он может быть описан так, как это фактически имеет место (6.342). Если мы мыслим предмет в определенной связи с другими вещами, в определенном контексте, то должна быть хотя бы возможность того, что этот предмет в своей взаимосвязи с другими вещами существует именно *так* и вне нашего мышления и языка. Для выражения данной возможности Витгенштейн выбирает понятие логической формы, которое в некоторых тезисах заменяется им на понятия «форма отображения» или «форма действительности» (2.022, 2.15, 2.18, 2.2). Форма показывает себя через структуру атомарных фактов, т.е. через конфигурацию объектов, которые в атомарном факте сочетаются друг с другом *определенным образом* (2.031–2.033). Она задает комбинаторные возможно-

¹ Здесь и далее приводятся тезисы трактата по: [2].

сти сочетать объекты между собой [4. Р. 170–171] и необходимость говорить об объекте именно *таким* образом, как это имеет место в случае осмысленных высказываний¹, и представляет возможность того, что объекты реальности связаны между собой так же, как связаны элементы нашего языка, являющегося отображением действительности (2.15–2.17). Так, понятие формы служит для обозначения тождества структуры языка и структуры реальности, обеспечивая тем самым изоморфизм языка и мира, который является метафизическим условием возможности репрезентативной функции языка.

В свете описанного изоморфизма языка и мира представляется справедливым, что, анализируя атомарные элементы языка, мы можем обозначить атомарные элементы мира. В качестве таких элементов Витгенштейн выделяет атомарные факты, представляющие собой *соединения* объектов (2.01). В качестве обоснования данного тезиса он руководствуется идеей, схожей с принципом контекстуальности Фреге, согласно которой мы не можем мыслить никакого объекта вне возможности его связи с другими объектами и, соответственно, вне возможности контекста атомарного факта (2.0121). Если знание о предмете может быть дано лишь в виде целого предложения, в то время как простое приписывание имени предмету не увеличивает наше знание о нем (3.142, 3.144, 3.3), то мир, каким мы его знаем, состоит не из отдельных предметов, а из их соединений в рамках минимального целого, а именно атомарного факта. Так, в тезисе 2.0122 Витгенштейн проводит прямую аналогию между фактом и предложением, предметом и словом. Однако следует удерживать во внимании то обстоятельство, что данная аналогия возможна лишь в том случае, когда мы рассматриваем язык как *проекцию* реальности (3.11, 3.12). В таком случае все то, что возможно в языке, возможно и в мире (3.02). В соответствии с этим атомарный факт представляет собой как осмысленное предложение (3.12, 3.14), так и то, что этим предложением изображается, а именно некоторый элемент реальности (3.21). Вместе с тем в упомянутом тезисе обозначается и степень самостоятельности и обособленности объектов: объект является самостоятельным лишь в перспективе того, что он может появляться в различных контекстах, но без контекста, т.е. без связи с некоторым атомарным фактом, объект существовать не может (2.0122). Тем самым, предположение о существовании предметов не противоречит тезису, что мир есть совокупность фактов, а не предметов (1.1), поскольку все то, что мы можем сказать о мире, выражается именно в фактах.

2.

Каждый атомарный факт представляет собой, или же формирует, правильный или ложный образ, изображающий некоторое возможное положение

¹ Следует отметить, что, с точки зрения Витгенштейна, говорить о *множестве* логических форм [1. С. 178–179] неверно. Логические формы нечисленны (4.1241, 4.128). Форма есть возможность вхождения объекта в атомарный факт. Иначе говоря, форма объекта определяет *структурные возможности* конфигурации обозначающего его термина с другими терминами в контексте предложения (2.0141, 2.031–2.033). Это следует понимать как то, что для некоторых слов в предложении отведена роль имени объекта, и эта роль репрезентирует то, как вообще могут мыслиться вещи в мире (4.1272). Использование понятия «форма» в словосочетании «многообразные логические формы» или «каждый объект обладает логической формой» ведет к заблуждениям, типичным, по мнению Витгенштейна, философской метафизике, которые формируются в результате смешения внутренних и внешних отношений (4.122). Подробнее об этом см.: [3. С. 173].

вещей. Образ может быть истинным или ложным в зависимости от того, соответствует он или не соответствует действительности. Данная корреляция образа и реальности, как мы уже обозначили, возможна благодаря форме отображения. Образ и действительность опосредуют *смысл* языкового выражения (2.221). Смысл предложения есть то, что данным предложением изображается. Понять смысл предложения – значит знать, что имеет место или как обстоит дело, когда оно истинно, вне зависимости от того, истинно ли данное предложение на самом деле (2.22, 4.022, 4.024). В этом заключается принципиальное отличие концепции смысла раннего Витгенштейна от концепции смысла Г. Фреге. Согласно идее Фреге, предложение является именем собственного истинностного значения. В данной интерпретации смысл предложения выступает как конкретный способ презентации специфических логических объектов, которые Фреге обозначает как истина и ложь [5. С. 235]. Соответственно, смысл предложения однозначно отсылает либо к такому логическому объекту, как истина, либо к такому, как ложь в зависимости от того, именем какого объекта является рассматриваемое предложение. Однако здесь возникает затруднение, которое, по мнению П.М.С. Хакера, Витгенштейн намеренно обходит стороной. Одно и то же предложение должно иметь совершенно различный смысл в том случае, когда оно является истинным, и в том случае, когда оно является ложным, поскольку в данных двух ситуациях смысл будет презентовать различные объекты, выступающие в качестве значений предложения. Однако относительно предложения, чье истинностное значение только предстоит определить, кажется совершенно очевидным, что оно имеет один и тот же смысл, выражает одну и ту же мысль и когда мы предполагаем, что оно может быть истинным, и когда мы предполагаем, что оно может быть ложным [6. Р. 205–207].

Предложение, в интерпретации Витгенштейна, не является именем собственного значения, какие бы объекты ни выступали в роли последнего (3.142–3.144). Смысл предложения является независимым от какого-либо рода реальности, он лишь изображает некоторое *возможное* положение дел. Тем самым решается не только вышеуказанное затруднение, но и схожее с ним проблематичное следствие семантической концепции Фреге, согласно которому выражениям «р» и «~р» в рамках одной интерпретации соответствуют совершенно различные объекты. В случае Витгенштейна и утверждению и отрицанию одного и того же пропозиционального знака соответствует одна и та же реальность (4.061–4.064). Так, выражение «р» становится истинным благодаря существованию того же самого положения дел, которое делает «~р» ложным и наоборот (4.0621). Истинность предложения удостоверяется посредством сравнения смысла предложения, т.е. изображаемого им положения вещей, с реальным положением вещей. Образ является истинным в том случае, когда смысл этого образа соответствует действительности, и ложным в противном случае (2.222, 2.223). Как верно указывает П.М.С. Хакер, согласно Витгенштейну, предложение *должно* ограничивать реальность двумя альтернативами: да или нет, но оно должно оставлять эти две альтернативы [6. Р. 205–207].

Последнее ограничение очерчивает разницу между осмысленными и бессмысленными предложениями. Поскольку смысл предложения репрезентирует некоторое возможное положение дел и поскольку именно в этом Вит-

генштейн видит сущностную функцию языка, он полагает, что всякое предложение имеет форму «дело обстоит так-то и так-то» (4.5). Такая описательная форма предложений оставляет возможность согласия и несогласия с описываемым в нем положением вещей и не более того. Соответственно, осмысленность предложения определяется возможностью или наличием однозначной оценки данного предложения как правильного или неправильного, истинного или ложного. Поэтому высказывание о несуществующем положении вещей является не бессмысленным, а ложным в силу того, что мы можем выразить свое несогласие с описываемым в данном высказывании положением вещей (3.24). Предложение должно быть образом, моделью действительности (4.01). Предложения же, которые не репрезентируют никакой ясной действительности, не иллюстрируют никакого возможного положения вещей вследствие неопределенности значений слов, входящих в состав предложения, не отвечают основной функции и характеристике языка. Такие высказывания Витгенштейн называет бессмысленными, используя понятие *unsinnig*, и относит к ним, в частности, предложения философии (4.003, 5.4733).

Однако Витгенштейн выделяет и другой вид бессмысленных предложений, которые обозначает понятием *sinnlos*, т.е. лишенные смысла¹. К данному виду предложений относятся тавтологии и противоречия. Как пишет Витгенштейн, предложение показывает² то, что оно говорит, тавтология и противоречие показывают, что они ничего не говорят (4.022, 4.461, 6.11). Тавтологии и противоречия не имеют смысла в силу того, что они не изображают никакого возможного положения вещей, не вырисовывают никакой конкретный образ действительности. Так, тавтология допускает любое возможное положение вещей, а противоречие не допускает никакого. Они не стоят ни в каком отношении изображения к действительности, в отличие от предложений, имеющих смысл (4.462). Они иллюстрируют логическое пространство в его абсолютной заполненности или абсолютной пустоте. Но означает ли это, что бессмысленные предложения данного рода вовсе не имеют онтологического значения?

3.

Действительно, с точки зрения Витгенштейна, формальная логика не представляет *никакую* реальность. Как только мы предполагаем, что суждения логики являются осмысленными, мы также вынуждены предполагать существование особой реальности логических фактов или объектов, которым может соответствовать смысл данных суждений. Для Фреге объектами такой реальности были истина и ложь, для Рассела – логическая форма и логические отношения, представленные в виде логических операторов [8. С. 20–21; 9. С. 75–78]. Витгенштейн же в принципе отказывается признавать существо-

¹ На разницу понятий *sinnlos* и *unsinnig* указывают, например, Е.В. Логинов в диссертации «Прагматизм и аналитическая философия: основные этапы взаимодействия» (см. прим. 611) [7. С. 225] и К.А. Родин в статье «Постметафизика и внутренние отношения в Логико-философском трактате Л. Витгенштейна» [3. С. 176].

² Здесь, вероятно, корректнее было бы использовать термин «изображает» (в смысле нем. глагола *abbilden*), поскольку предложение именно *изображает* положение вещей (4.016, 4.021) и *говорит* (в смысле нем. глагола *sagen*), что дело обстоит именно так (4.022, 5.61). А *показыванию* (в смысле нем. глагола *zeigen*) подлежит область невыразимого: «4.1212. То, что может быть показано, не может быть сказано». Однако в приведенных в обоснование тезисах Витгенштейн с некоторой неточностью пишет: «предложение показывает» («*Der Satz zeigt*»).

вание логических объектов (4.0312, 4.441). Согласно его идеям, логика не имеет собственного референта – не существует реальности особого рода, отличной от реальности привычных нам объектов, встречающихся в опыте. Именно таким образом следует интерпретировать его тезис о том, что логика фактов не может быть представлена. Только факты могут выражать смысл, поскольку смысл есть образ действительности (2.221, 3.142). Логика не изображает никакой специфической действительности, поэтому суждения логики являются бессмысленными и логика фактов, т.е. логика, представленная в виде совокупности осмысленных суждений, представлена быть не может.

Логика не репрезентирует никакую реальность, однако она играет принципиально важную роль в экспликации внутренней структуры языка и в *показывании*¹ внутреннего отношения отображения, которое существует между языком и миром. Логическая символика позволяет прояснить и подчеркнуть тот способ связи, который существует между объектами внутри предложения и между самими предложениями и который определяет то, каким образом нам может быть дан мир, какой образ мира мы способны сформировать. Данное прояснение не характеризует и не затрагивает смысл предложений, но позволяет сделать его очевидным в каждом конкретном случае, поскольку структурные возможности языка предстают в формальной логике в эксплицитном виде². С помощью формальной логики нельзя выразить в знаковом виде логическую форму мира, форму отображения, поскольку в данном понятии заключен сам принцип соответствия языка и реальности, не поддающийся высказыванию. Но форма отображения выражает себя в логике с помощью того, что в ней *показывает* себя природа естественных знаков (4.121, 6.12, 6.124).

Логика, в понимании Витгенштейна, имманентна языку, она образует границу языка, мышления и мира (5.61, 6.13). В этом обнаруживается принципиальное расхождение Витгенштейна с классическим пониманием природы логики, свойственным Фреге и Расселу. Согласно последнему логика представляет собой некоторый свод нормативных правил, применение которых обеспечивает правильное мышление, лишённое заблуждений, которыми полон естественный язык [6. Р. 202]. Так, для Фреге смысл имеют лишь те предложения, которые образованы корректным способом согласно законам логики [9. С. 48]. Для Витгенштейна же *любое* предложение образованно *законно*, а бессмысленным оно может быть только в том случае, если не прояснено значение входящих в него частей (5.4733). Бессмыслица не является следствием нарушения логики языка и не представляет собой некоторое неправильное, ошибочное мышление – мыслить нелогически невозможно (5.4731). В случае, когда имеет место бессмысленное высказывание, мышление в принципе не осуществляется. Это происходит в силу того, что бессмыслица в значении *unsinnig* не поставляет нам никакого мыслительного образа. Формальная логика, т.е. бессмыслица в значении *sinnlos*, также не поставляет нам конкретные мыслительные образы, однако те предложения логики, которые Фреге обозначил в качестве аксиом, согласно Витгенштейну,

¹ Здесь и далее под терминами «показывание» и «показывать» будет подразумеваться глагол *zeigen* и родственные ему термины, цель использования которых в трактате была объяснена в примечании выше.

² Читаем у К.А. Родина: «Синтаксис Витгенштейна соотносится, правда, не со смыслом и/или толкованием, но с некоторыми формами, которые делают этот смысл возможным» [3. С. 177].

выражают собой *формальные свойства языка*, и в этом заключается их ключевое значение (6.12)¹. Как пишет Витгенштейн, предложения логики ни о чем не трактуют, но демонстрируют логические свойства предложений и «предполагают, что имена имеют значение, а элементарные предложения – смысл; это и есть их связь с миром» (6.124).

Важным моментом является то, что тавтологии и противоречия являются *предельными* случаями установления истинностного значения предложений (4.46, 4.466). Заметим, что истинность и ложность элементарного предложения свидетельствуют о существовании и несуществовании атомарного факта (2.201, 4.25, 4.3). Это означает, что механизм установления истинностного значения предложения заключает в себе принцип реализации репрезентативной функции языка. Иначе говоря, процедура установления истинности предложения всегда есть процедура установления фактов, т.е. процесс понимания чего-то о мире. Однако если истинность элементарного предложения определяется посредством сравнения его смысла и действительности, то тавтология удостоверяет себя как истинное предложение без объекта сравнения. Сама возможность тавтологичного высказывания обеспечивает его истинность, которая познается из самой мысли, т.е. а priori (3.04, 3.05, 6.113). Тем не менее даже априорное установление истинности предложения есть тот же процесс установления истинностных возможностей предложения, в котором проявляет себя метафизическое условие возможности репрезентации, заключенное в центральном для «Логико-философского трактата» понятие формы отображения. Однако тавтологии и противоречия иллюстрируют *предельные* случаи истинности и ложности предложений, поэтому утрачивают отношение изображения к миру. В тавтологиях и противоречиях условия соответствия образа и мира аннулируются (6.121), но их связь с репрезентативной функцией языка все еще отчетливо прослеживается, в отличие от тех предложений языка, для которых процедура установления истинности вообще невозможна, а именно для бессмысленных предложений в значении *unsinnig*. Формальная логика не оказывается *вне* онтологии, она является ее предельным случаем, теряющим онтологическое содержание, но сохраняющим, или даже приписывающим, онтологическую форму.

4.

В конце концов, следует задаться вопросом, о какой онтологии идет речь при попытке найти ответ на поставленную в данной статье задачу – определить, имеет ли онтологическое значение формальная логика в рамках концепции «Логико-философского трактата». Если мы будем иметь в виду, что онтология является *описанием* некоторых *сущностей* некоторой конкретной реальности, например, когда говорят: «онтология физики», тогда формальная логика в интерпретации Витгенштейна, безусловно, выходит за рамки онто-

¹ В этом заключается еще одно принципиальное расхождение Витгенштейна с классической интерпретацией природы логики. В отличие от Фреге и Рассела, Витгенштейн отрицал наличие иерархии суждений внутри логики, согласно которой существуют более базовые или исходные суждения, выступающие законами для формирования любых других (5.43, 5.454, 6.127). Как верно отмечает П.М.С. Хакер, с точки зрения Витгенштейна предложение «дождь либо идет либо не идет» в не меньшей степени является предложением логики, чем предложение « $p \vee \neg p$ ». Более того, предложение « $p \vee \neg p$ » является не столько пропозицией логики, сколько утверждением формального свойства формального понятия пропозиции, а именно что каждая пропозиция либо истинная, либо ложная. См. подробнее: [6. P. 216–217].

логии, поскольку она не является описанием и не нацелена на экспликацию какого-либо рода сущностей. Однако логика задает *возможности* высказывания о чем-то, а значит, и возможности построения различных онтологий. В этом смысле концепция трактата полностью отвечает понятию *метаонтологии* Питера ван Инвагена: она не отвечает на вопрос о том, что есть, но указывает концептуальные возможности ответа на данный вопрос [10. Р. 233]. Витгенштейн ограничивает наше знание о мире тем, что мы можем о нем сказать, и ключевым для него является вопрос, *каким образом* мы можем высказываться о мире, ответ на который следует искать именно в формальной логике. В.А. Суровцев пишет: «Он (Витгенштейн. – А.Ф.) выводит формальную логику из-под начала онтологии и теории познания, считая, что при прояснении ее основных понятий необходимо отталкиваться исключительно от особенностей символического языка. Логика как исследование универсальных возможностей осмысленных утверждений не может быть фундирована никакой онтологией, как раз наоборот, поскольку именно логика устанавливает критерий осмысленности, любая онтология есть следствие логического прояснения возможных взаимосвязей структур описания» [9. С. 13–14].

Метаонтология Витгенштейна заключается в признании согласованности структуры языка и структуры мира, которая обеспечивается неизменной и автономной природой логики. Значимость формальной логики состоит в функции показывания, и с этой же функцией связана экспликация внутреннего отношения соответствия языка и мира, для обозначения которого Витгенштейн использует понятие логической формы мира. Именно последний термин используется им для обозначения метафизического принципа, обеспечивающего репрезентативную функцию языка и обосновывающего возможность прорыва к реальности самой по себе имеющимися познавательными средствами, каких у нас, по мнению Витгенштейна, в распоряжении только одно – язык. Следует сказать словами самого Витгенштейна: «Тот факт, что предложения логики суть тавтологии, *показывает* (Выделено мной. – А.Ф.) формальные – логические – свойства языка, мира» (6.12). Уже одна эта цитата не позволяет развести понятия логики мира и пропозициональной логики как совершенно различные и несвязанные.

Говорить о том, что формальная логика никак не может претендовать на приоритет в представлении структуры мира [1. С. 179], означает вовсе не замечать, что Витгенштейн дает ей совершенно иную интерпретацию, отличную от классических представлений Фреге–Рассела. Формальная логика не предписывает естественному языку конвенционально корректный способ суждения, а проясняет уже наличествующую структуру естественного языка, существенным образом связанную со структурой мира. Формальная логика не дает нам конкретную картину мира, но обозначает *границу описания*, определяя структурные возможности высказывания о мире – мы говорим об объектах именно *таким* образом, отводя обозначающим их именам определенную роль в предложении, и именно *таким* способом связываем предложения между собой – и данные возможности некоторым образом отражают структуру реальности. Витгенштейн пишет: «Ясно, что должен показывать нечто о мире тот факт, что некоторые связи символов, имеющие, по существу, определенный характер, являются тавтологиями. В этом – решающее» (6.124). В то же время интерпретация понятия «логика мира», которую пред-

лагает З.А. Сокулер, ассоциируя данное выражение в числе прочего с гегельянским пониманием логики, также совсем не свойственна трактату Витгенштейна. Логика, о которой пишет Витгенштейн, не судит о том, что именно существует, и не описывает некоторый управляющий принцип, согласно которому в мире нечто существует (5.61, 6.13). Предложения логики лишь в какой-то степени повторяют форму мира, являясь его проекцией и отражением (5.511, 6.13). Зеркальный образ не может быть управляющим законом, а именно это подразумевает термин «логика мира»¹. Предложения формальной логики представляют собой «строительные леса мира», которые – это важно – ничего не представляют и не о чем не трактуют (6.124), но которые демонстрируют в символическом виде формальные свойства языка (6.121) и стоят во внутреннем образном отношении к миру. Именно в этом заключается принципиальная роль формальной логики в «Логико-философском трактате» Витгенштейна и именно в этом заключается ее мета-онтологическая значимость.

Список источников

1. Сокулер З.А. Мал золотник, да дорог (особенности онтологии, теории познания и философии науки в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна) // Философский журнал. 2018. Т. 11, № 1. С. 173–187.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. И. Добронравова, Д. Лахути. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2017. 288 с.
3. Родин К.А. Постметафизика и внутренние отношения в Логико-философском трактате Л. Витгенштейна // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2 (26). С. 170–179.
4. Hacker P.M.S. Naming, Thinking and Meaning in the Tractatus // Wittgenstein: Connections and Controversies. Oxford : Clarendon Press, 2001. P. 170–190.
5. Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика : сб. / под ред. З.А. Кузичевой ; пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М. : Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.
6. Hacker P.M.S. Frege and The Early Wittgenstein // Wittgenstein: Connections and Controversies. Oxford : Clarendon Press, 2001. P. 191–218.
7. Логинов Е.В. Прагматизм и аналитическая философия: основные этапы взаимодействия : дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. 303 с.
8. Целищев В.В. Логические константы и аналитические истины в ранней аналитической философии // Философия науки. 2015. № 2 (65). С. 15–27.
9. Суровцев. В.А. Автономия логики: Источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 308 с.
10. Inwagen P. van Meta-ontology // Erkenntnis 48. Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 233–250.

References

1. Sokuler, Z.A. (2018) Small rain lays great dust: peculiarities of ontology, theory of knowledge and philosophy of science in Wittgenstein's Tractatus Logico-Philosophicus. *Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal*. 11(1). pp. 173–187. (In Russian).
2. Wittgenstein, L. (2017) *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Translated from German by I. Dobronravov, D. Lakhuti. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya".
3. Rodin, K.A. (2014) Interconnection between postmetaphysics and internal relations in Ludwig Wittgenstein's Tractatus Logico-Philosophicus. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(26). pp. 170–179. (In Russian).

¹ Эту мысль подсказал мне Игорь Феликсович Михайлов, которому хочу выразить благодарность за это и другие ценные замечания и комментарии, сделанные к данной статье на этапе ее доработки.

4. Hacker, P.M.S. (2001a) *Wittgenstein: Connections and Controversies*. Oxford: Clarendon Press. pp. 170–190.
5. Frege, G. (2000) *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and Logical Semantics]. Translated from German by B.V. Biryukov. Moscow: Aspekt Press. pp. 230–246.
6. Hacker, P.M.S. (2001b) *Wittgenstein: Connections and Controversies*. Oxford: Clarendon Press. pp. 191–218.
7. Loginov, E.V. (2017) *Pragmatizm i analiticheskaya filozofiya: osnovnye etapy vzaimodeystviya* [Pragmatism and analytical philosophy: the main stages of interaction]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
8. Tselishchev, V.V. (2015) Logical constants and analytical truth in the early analytical philosophy. *Filozofiya nauki – Philosophy of Science*. 2(65). pp. 15–27. (In Russian).
9. Surovtsev, V.A. (2001) *Avtonomiya logiki: Istochniki, genezis i sistema filozofii rannego Vitgenshteyna* [The Autonomy of Logic: The Sources, Genesis, and System of Early Wittgenstein's Philosophy]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Inwagen, P. van (1998) Meta-ontology. *Erkenntnis*. 48. pp. 233–250.

Сведения об авторе:

Хромченко А.С. – аспирант, кафедра истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: annhs971017@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Khromchenko A.S. – National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: annhs971017@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.09.2021;
одобрена после рецензирования 20.10.2021; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 20.09.2021;
approved after reviewing 20.10.2021; accepted for publication 04.05.2022*